

Как бы она ни старалась держаться спокойно, Аэлла почувствовала, как накопление всего того, что вызывало у нее беспокойство, наступает ее и становится слишком большим, чтобы она могла с этим справиться. Примерно через час после ее разговора с мужем, Флер и Дэвисами, ей было трудно поддерживать свою окклюменцию, а вместе с ней и самообладание, поскольку она терпела тычки и подталкивания со стороны новой группы чистокровных "дам".

Они искали какой-нибудь пикантный кусочек сплетни, который они еще не слышали, или надеялись, что она проговорится, расскажет больше, чем следует, и сама станет источником сплетен. Они, конечно, предпочли бы последнее, и это делало ее еще более неприятной из-за того, что она изо всех сил старалась сохранить концентрацию. Она не могла перестать беспокоиться о том, как Астория выдержит, хотя ее логическая сторона могла совершенно ясно видеть Асторию в другом месте на вечеринке и исключительно хорошо справляться с проверкой. То же самое можно сказать и о Нарциссе в ее первом появлении на мероприятии такого масштаба с тех пор, как она стала Леди Блэк, не говоря уже о публичном объявлении о ее участии в отношениях с Гарри, Дафной и Асторией.

Аэлла едва взглянула на Дафну, но это было не из-за недостатка любви. Просто у нее был большой опыт, и в настоящее время ее мало чем можно было подзадорить, так что беспокоиться было не о чем. Она столкнется с более пристальным вниманием, когда станет леди Поттер, что станет главной мишенью для таких сплетничающих куриц, но Аэлла была уверена, что ее старшая тоже прекрасно справится с этим.

"Если вы меня извините, я должна пойти и освежиться", - сказала Аэлла сплетничающим дамам, как только в разговоре появилось достаточно места, чтобы это не считалось грубым. За весь вечер она могла позволить себе только два перерыва в туалет, а третий, возможно, был возможен при условии, что она сможет заставить кого-нибудь другого попросить ее сопровождать их. Еще немного, и эти ищейки заметят, что ей нужно так много времени и пространства, и это только заставит их присмотреться к ней повнимательнее. Если и было что-то, в чем такие ведьмы были хороши, помимо того, что тратили огромное количество золота на легкомысленные вещи, то это был метафорический запах крови в воде и нападение.

На самом деле ей не нужно было сейчас пользоваться туалетом, и, грациозно удалившись, она вместо этого направилась в свою спальню. Как только она вошла внутрь, большая твердая рука зажала ей рот. Она испуганно закричала, но из-за того, как сильно была прижата рука, не издала ни звука, и она дико боролась со своим незванным гостем, когда услышала, как закрылась дверь, и увидела наложенные на нее запирающие и заглушающие заклинания.

Аэлла была так напугана, что не заметила, что эти заклинания были сделаны без палочки, и она продолжала свою отчаянную борьбу еще несколько секунд, делая все возможное, чтобы выскользнуть из его хватки или, по крайней мере, взять в руки свою палочку. Ее потребность бороться ничуть не уменьшилась, когда ее грубо прижали к стене, но именно тогда она почувствовала, как мускулистое, мощное тело прижалось к ней сзади. Она услышала его хриплый смешок и почувствовала, как его губы прикусили ее шею, и самое главное, что массивный член прижался к ее заднице. Как только Аэлла почувствовала, что знает личность своего "незваного гостя", и она поняла, что на самом деле он может делать все, что ему заблагорассудится.

"Ты сегодня удивительно дерзкая шлюха", - поддразнил он ее. "Ты так же одержим желанием, чтобы каждая деталь была идеальной, как и Дафна. Это совсем не похоже на то, как я обычно вижу, как ты ведешь себя, когда ты покорна, как Астория. Это интересное сочетание, не так ли? Ясно как божий день, откуда у них эти черты, хм?" Он раздел ее, пока говорил, и, хотя она была прижата его телом к стене и он держал ее в чем-то вроде душающего захвата, у нее

была возможность заговорить сейчас.

“У меня сейчас нет времени на эти игры”, - вырвалось у нее, хотя и с трудом, так как она чувствовала, что у нее кружится голова от очень ограниченного кислорода.

“Дерзкий и болтливый”, - усмехнулся он. “Как я и сказал: как мать, так и дочери. Обе ваши дочери, безусловно, могут сократить кого-то до размеров, используя только свои слова, с впечатляющей скоростью”.

Аэлла издала агрессивное рычание. Она знала, что хочет, чтобы он продолжал играть в свои игры, и знала, что он тоже это знает. Но, тем не менее, она отчаянно сопротивлялась его хватке, сопротивлялась так, как будто презирала его и ничего так не хотела, как сбежать. Стресс и эмоциональное напряжение боролись против той ее стороны, которая была чрезвычайно возбуждена, хотя это возбуждение, вероятно, также подпитывало борьбу, так как ее борьба сделала этот конкретный момент немного более острым и захватывающим.

Ее борьба ни к чему не привела и вызвала у него только насмешливый смех, звук, напомнивший ей, насколько тщательно он доминировал над ее телом только одной рукой, в то время как она боролась почти со всей своей силой всего тела. Это только усилило ее разочарование еще больше.

“Ты даже не трахнул меня в прошлый раз”, - каким-то образом ей удалось огрызнуться на него, когда он обхватил ее рукой за горло. “Ты просто позволил мне потрогать себя для твоего развлечения! Так что, если ты собираешься тратить мое время впустую, я надеюсь, что ты, по крайней мере, планируешь вести себя как настоящий мужчина прямо сейчас и трахнуть меня как следует на этот раз!”

Они оба знали, что ей очень понравилось то время, когда она прикасалась к себе, и что, пока она это делала, он и другие делали с ней все, кроме как прикасаться к ней там. Они целовали, кусали и сосали ее шею, соски и все остальные части тела каждый раз, когда ей говорили прикоснуться к себе. И, конечно, она считала его чем-то большим, чем просто настоящим мужчиной, и он знал это, но ее слова все равно будут иметь последствия.

Его смех звучал для ее ушей еще выше и насмешливее, чем обычно, хотя заметной разницы не было. В любом случае, это гарантировало, что накопление стольких вещей, которые давили на нее, действительно победило. Стресс, вызванный ее предстоящим отпуском, был одним из факторов. Она и ее муж собирались встретиться с Делакурами наедине, чтобы обсудить их отношения с Флер, и ни один из них не смог получить ни малейшего представления о том, как к этому относится старший Делакур. Это беспокоило ее, так как они действительно были по-настоящему близкими друзьями, а Аполлин даже была давней любовницей.

Вдобавок ко всему добавился стресс от осознания того, что она будет вдали от своих дочерей, Нарциссы и Гарри. Она пристрастилась к этому и беспокоилась, что, возможно, не сможет продержаться и недели, если эти особые потребности не будут удовлетворены, независимо от того, насколько она действительно была взволнована возможностью проводить больше времени со своим мужем и Флер в такой романтической манере. Быть с ними было бы потрясающе, но это просто отличалось от того, чем она занималась с Гарри и его группой ведьм, и она беспокоилась о том, как справится без последнего.

Был также стресс, который она испытала, наблюдая за этим воспоминанием о пенсieve на днях, которое поразило ее по многим причинам. Среди них было то, как, хотя она стояла рядом с Нарциссой, которая была очень жива и невредима, она была ужасно потрясена, наблюдая за

тем, что было бы верной смертью, если бы не Гарри. Даже целой команды авроров было бы недостаточно, чтобы предотвратить это; только могущественный человек, который даже сейчас давил своей силой на Аэллу.

Конечно, она тоже была вне себя от возбуждения, впервые наблюдая за ним в действии. Все присутствующие ведьмы, чтобы увидеть это воспоминание, тоже это почувствовали, даже Флер, хотя вейла, возможно, не чувствовала этого в той же степени, что и другие, так как она не была с ним и не была подвержена сексуальной стороне его, как все остальные. Его сила была афродизиаком из всех афродизиаков для всех них, и она была продемонстрирована так, как никогда раньше в этом воспоминании. Никто из тех, кого Аэлла когда-либо видела, не мог сравниться с этим, кроме Дамблдора на пике его могущества или Волдеморта на пике его безумия. И что самое интригующее, было очевидно, что Гарри сдерживал свою силу. Были все признаки того, что он мог бы выпустить гораздо больше, если бы ему это было нужно.

Это воспоминание также напомнило ей о реальности того, что Драко Малфой все еще был очень реальной и опасной проблемой для ее семьи, с которой она более или менее игнорировала, как только Астория ушла от него и вернулась к ней и ее семье. Плюс это указало ей, что беспокойство Гарри по поводу Малфоя, которое определено было выше, чем у кого-либо другого (включая Эдмунда, который чувствовал себя более мстительным по отношению к Малфоя, чем беспокоился о том, что он может сделать до просмотра этого воспоминания), в конце концов, не было неуместным. Это было ужасно, и это, конечно, усилило ее стресс.

Другие вещи, которые не несли в себе такой же неминуемой угрозы, тем не менее, тоже вызывали у нее стресс, начиная с первого дня рождения Астории после возвращения в семью и заканчивая объявлением об отношениях, которые ее дочери разделяли с Нарциссой, Гарри и друг с другом. Приближалось Рождество, и постоянно надвигалось беспокойство, что все это развалится и она снова потеряет свою младшую дочь из своей жизни. На этот раз она, вероятно, даже потеряла бы Дафну, если бы эта новая связь между ними действительно развалилась, так как все они были в ней вместе. К счастью, это беспокойство почти полностью исчезло из ее головы, и она действительно не боялась, что это произойдет, но все еще оставалась крошечная часть ее, которая не могла не беспокоиться об этом.

Стресс от проведения этого ежегодного бала всегда был огромным, но в этом году он был еще выше, поскольку это было первое крупное публичное мероприятие, посвященное не только ее отношениям с Эдмундом и Флер, но и уникальным отношениям вчетвером, в которые были вовлечены ее дочери на открытом воздухе.

Наконец, но не менее важно, Астория теперь была наследницей Гринграсс. Аэлла отчаянно хотела, чтобы все прошло идеально, поэтому предполагала, что эта роль здесь, на публике, сегодня вечером будет как можно более гладкой для ее младшей дочери, которая уже столько пережила. И там все шло прекрасно, в немалой степени благодаря тому, что Гарри периодически сбегал со всеми тремя своими подружками в течение всего вечера.

Каждый из них выглядел расслабленным и беззаботным по возвращении, до такой степени, что Нарцисса даже немного сбросила свою обычную публичную маску. Обычно она избегала бы этого, опасаясь проявить слабость, но Аэлла могла сказать, что ее открытое, неподдельное счастье и удовлетворенность только пошли Нарциссе на пользу.

Дафне не требовалось столько снятия стресса, учитывая, насколько легкой была ее ночь, но старшая дочь Аэллы всегда была немного более взвинченной, чем большинство, так что было хорошо, что Гарри позаботился о ней. Однако больше всего от этого выиграла Астория.

Внимание, прикосновения и любовь Гарри явно снова подействовали на ее младшенькую. После этого Астория выглядела уверенной, будь то сама по себе или с одним, двумя из всех трех ее лучших...половинки или четвертинки, предположила Аэлла. До сих пор сегодня вечером она не отставала от лучших политически настроенных интриганов и брала верх над кем-то менее талантливым. Это было очень впечатляющее зрелище с ее стороны, и она знала, что Эдмунд чувствовал то же самое. Он с гордостью наблюдал за ней всю ночь, как она справлялась со всем с апломбом.

Тем не менее, беспокойство Аэллы по этому поводу и, следовательно, стресс, который это ей принесло, не утихнут полностью, пока ночь не закончится и все их гости не уйдут, поэтому она решила, что проведет всю ночь, чувствуя себя такой же взвинченной, как и Дафна. И, конечно же, она также чувствовала невероятное отчаяние от желания снова трахнуть с Гарри. Это было больше отчаяния, чем любая ведьма должна разумно чувствовать, чтобы ее трахнул кто угодно, пусть даже мужчина, который на самом деле не был их мужем.

Она даже жаждала его больше, чем своего настоящего мужа в данный момент. На самом деле в этот момент это было даже близко не так, к ее большому стыду. Она нуждалась в члене Гарри внутри себя до такой степени, что была в таком отчаянии, мечтая об этом, что это действительно разбудило ее прошлой ночью. И как бы она ни понимала, что ее отчаяние было таким сильным только потому, что он не трахал ее пару недель, для нее было стрессово, что она даже могла чувствовать такое отчаяние из-за этого и из-за него. Однако это был легкий стресс, и он значительно перевешивался возбуждением и волнением, которые она испытывала от игры, в которую они сейчас играли.

Когда вы взяли все эти перемешанные стрессоры и сложили их вместе, когда она вошла в эту комнату, его действия и его насмешливый смех, как будто ее борьба была шуткой, заставили все это закипеть впечатляющим образом. Действовать рационально и помнить о своих обязанностях было невозможно, и шанс на то, что она просто смиренно сдастся, как обычно, был упущен. Она извивалась и изо всех сил боролась, пытаясь снова освободиться от него, и борьба была искренней, даже если последнее, чего она хотела, - это убежать. Конечно, у нее не было ни малейшего шанса сбежать от него, но даже если бы она каким-то образом выскользнула на свободу, она понятия не имела, что будет делать. Единственное, в чем можно было быть уверенным, так это в том, что она не покинет комнату.

“Ваши дочери были определенно правы”, - сказал он, посмеиваясь. “Тебе это нужно еще больше, чем я себе представлял. Ты еще более встревожена, чем Дафна на дне рождения Астории, что я не думал, что это возможно. Я рад, что они настояли на том, чтобы я передал тебе эту часть твоего раннего подарка сегодня вечером. Я планировал сделать это завтра, прежде чем ты уйдешь, но тебе это очень нужно.”

Она все еще немного извивалась, но это не помешало ему подтащить ее к кровати и прижать к ней за горло. Она уставилась на него широко раскрытыми глазами, безуспешно цепляясь за его предплечье, пока он удерживал ее. Это было легкое, случайное напоминание о том, что он мог швырять ею, как тряпичной куклой, и владеть ею, как никто другой. Он сделал это только потому, что она этого хотела и потому, что ее муж одобрил это, но, получив это одобрение, Гарри мог делать с ней то, чего не мог никто другой. Это оставило ее невероятно влажной и готовой к тому, что было дальше.

“Прекрати бороться”, - сказал он ей. “У нас достаточно времени для этого, прежде чем тебе придется вернуться на свою вечеринку. И даже если бы мы этого не сделали, я бы просто настоял на том, чтобы мы нашли для этого время. Тебе это нужно. Гораздо важнее, чтобы ты не был в таком состоянии, чем чтобы тебя не было достаточно долго, чтобы некоторые люди

заметили. В противном случае все это напряжение может привести к тому, что вы вспыхнете и будете так реагировать на глазах у всех, когда кто-то случайно скажет или сделает что-то, что выведет вас из себя. Это было бы гораздо хуже для тебя, чем пропасть ненадолго посреди твоей вечеринки, тебе так не кажется?”

Аэлла не могла с этим поспорить, и она ни с чем не могла поспорить, когда он перевернул ее. Она была в замешательстве, потому что предполагала, что он собирается трахнуть ее, и все же это, казалось, не соответствовало тому, что он говорил. По глупости она чуть не попыталась остановить его еще раз, показывая, что все еще плохо соображает, но, к счастью, она была слишком медлительна, чтобы действовать из-за своих противоречивых мыслей и чувств. Она сомневалась, что остановилась бы или что смогла бы остановить его, даже если бы действовала быстрее, но хорошо, что это не подверглось испытанию.

Гарри начал нежно посасывать ее сосок, и это было похоже на вспышку молнии, которая вернула ей полную ясность. Он подвинулся, чтобы сосать и другой сосок, прежде чем игриво прикусить их обоих, заставив ее почти разочарованно застонать. Он прошелся поцелуями по ее телу, двигаясь мимо пупка, в то время как его руки нежно раздвинули ее ноги. Она ахнула и издала эротические стоны, которые, несомненно, раскрыли ему глубину ее отчаяния. Вероятно, она была в большем отчаянии от того, что, казалось, маячило на горизонте, чем от чего-либо в своей жизни, кроме возвращения Астории.

«действительно?» она заикалась, едва в силах поверить в это. Гарри усмехнулся.

“Такая быстрая перемена в твоем настроении, как только ты подумала, что можешь получить это”, - легко сказал он.

“Я знаю, что это так”, - призналась она. Но тот факт, что она наконец-то получит от него это, то, что, как она знала, будет потрясающим, и по какой-то причине заставило ее почувствовать, что она должна быть особенной в его глазах, чтобы получить это, нельзя было игнорировать. Это заставило испариться все чувства борьбы или разочарования, которые она испытывала к нему, и она в мгновение ока превратилась в покорную маленькую шлюшку. Он рассмеялся, наблюдая, как в ней произошла перемена и борьба оставила ее, а затем кивнул.

“О Мерлин, Гарри!” - выдохнула она. В ее голосе слышалось волнение, которого она, возможно, не испытывала уже много лет. Если она думала, что он позволит этой шараде сопротивления и борьбы продолжаться и что он позволит ей быть кем угодно, только не полностью покорной ему, пока он дарил ей этот подарок, он доказал, что она ошибалась одним взглядом. Это было то, что напомнило ей о его тренировках и заставило ее почувствовать себя его собственностью, и заставило ее захотеть быть его собственностью, по крайней мере, в течение следующих нескольких минут. Это также сделало ее еще более влажной до такой степени, что он слегка усмехнулся, заметив это. Она сильно задрожала, чувствуя, как она начинается с пальцев ног и проходит по всему телу до головы.

“Пожалуйста, сэр”, - простонала она. “Пожалуйста, о Мерлин, пожалуйста, сэр”. Все это вырвалось в порыве, и он снова усмехнулся и поцеловал ее в бедро в ответ. Она заскулила, чувствуя разочарование и отчаяние от всего, что не было его началом. Он еще раз поцеловал ее в бедро, прежде чем снова посмотрел на нее, одарив этой проклятой ухмылкой.